

Я радость

*Я радость, чистая,
светлая...
Я свет.
Я любовь.*

Хуторная Елена

16+

Елена Хуторная

Я радость

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Хуторная Е.

Я радость / Е. Хуторная — «ЛитРес: Самиздат», 2008

ISBN 978-5-532-06936-7

Не всегда все в жизни складывается ровно, без промахов и поражений. Вот и у Даши сначала все было хорошо — престижная высокооплачиваемая работа, устроенная личная жизнь, цели и планы на жизнь. Но что-то пошло не так, и Даша осталась одна, без работы, и, в принципе, не понимая, к чему ей теперь стремиться. Однако слова, которые она всегда повторяла себе — «Я радость, я свет, я любовь» — всегда помогали ей, так что шаг за шагом она стала выбираться из сложившейся ситуации.

ISBN 978-5-532-06936-7

© Хуторная Е., 2008
© ЛитРес: Самиздат, 2008

Я радость, чистая, светлая, я свет, я любовь. Мне тепло и спокойно, я всех люблю: мою милую тетушку, Олю, Наташу, Светочку, Стаса, Костю, Василия Николаевича, па... Черт, и как только тетя Лариса могла сказать такое?! Как она могла сказать такое мне? Неужели она и правда думает, что когда-нибудь ей пришлось бы меня содержать? Как будто я давала повод думать так! Да, я уволилась три месяца назад и все еще не принималась за поиски нового места, но разве после окончания института я хоть когда-нибудь жила за ее счет? Я действительно попросила у нее вчера триста рублей, но только до тех пор, пока не продам машину, а она так набросилась на меня, как будто я каждый день прихожу к ней попрошайничать!

Медленный вдох, задержала дыхание... выдох. Вдох... выдох. Сердце бьется как сумасшедшее. Давно меня ничего так не выводило из себя.

– Тонировка ваша или заводская?

Я очнулась от своих мыслей и посмотрела сверху вниз на худенького молодого человека, который вот уже час терзал меня нелепыми вопросами о моем автомобиле. Был июнь, но утром выпал град, после чего на весь день зарядил мелкий противный дождь в сочетании с сильным холодным ветром. Я промокла и продрогла до костей, но мой мучитель будто не замечал плохой погоды. С одной стороны, это не могло не радовать, потому что за те три недели, в течение которых я продавала свою первую, горячо любимую машину, это был первый реальный покупатель, но с другой, мне уже так хотелось поехать домой, чтобы согреться и придти в себя, что я была близка к тому, чтобы оборвать нашу затянувшуюся встречу.

– Заводская, – ответила я с трудом ворочая не слушающимися губами.

Молодой человек поразмышлял о чем-то несколько секунд, после чего снова полез под капот. Ехать на диагностику он отказался и все еще пытался самостоятельно определить состояние автомобиля. Устав наблюдать за его повторяющимися манипуляциями, я села в машину, завела двигатель и включила печку, надеясь хоть немного согреться.

– Мне больно смотреть, как ты тратишь время впустую, – сказала вчера тетя Лариса. – Займись, наконец, чем-нибудь, все равно чем. Сама увидишь, как тебе станет легче.

А с чего она вообще решила, что со мной что-то не так? У меня все отлично! Живу тихо, спокойно, уже три месяца меня никто не достает – я могла только мечтать, чтобы когда-нибудь жить так! Единственная проблема в том, что даже при отсутствии работы мне надо чем-то платить за кредит, и только поэтому мне сейчас приходится торчать на автобарахолке и отвечать на дурацкие вопросы вместо того, чтобы сидеть дома с книгой в руках.

Я радость, чистая, светлая, я радость...

Первый раз за то долгое время, что мы с тетей Ларисой живем вместе, мне так некомфортно находиться дома, что хочется уйти хоть куда, лишь бы не ощущать ее близкого присутствия. Неприятно сталкиваться с ней на кухне, в коридоре, относить в ее комнату телефонную трубку, когда ей кто-то звонит. Даже днем, когда она на работе, я как будто чувствую ее неодобрение, которое добирается до меня через те километры, что нас разделяют. Это ужасно неприятно, просто невыносимо. И именно поэтому я не осталась дома даже в такую мерзкую погоду, в какую не приходится рассчитывать на появление серьезных покупателей.

Но боже, теперь, когда я намучилась и намерзлась, как же хочется домой, в теплую постель! Сейчас этот ботаник от меня отстанет, и я сразу же уеду. Жаль, что потратила на него столько времени, но поначалу мне казалось, что он действительно заинтересован в покупке. Хотелось поскорее покончить с этим: чего душу рвать, в любом случае рано или поздно придется расстаться с автомобилем. Деньги будут нужны уже на этой неделе, а у Лары, как вчера стало понятно, просить нельзя, так что чем быстрее все случится, тем лучше. С другой стороны, если сегодня сделка все равно уже не состоится, к чему продолжать тратить время?

Я уже собралась выйти из машины и сообщить молодому человеку, что уезжаю, но тут он сам закрыл капот и через несколько секунд сел в машину рядом со мной.

– Сколько вы готовы уступить? – спросил он.

– А за сколько бы вы ее купили?

Он сказал.

Это было значительно меньше той суммы, на которую я рассчитывала.

– По рукам, – ответила я.

Сказала и тут же пожалела.

Он кивнул.

– Тогда оформляем задаток?

Я в последний раз взялась за руль своей машины.

Ну что, ж, по крайней мере он будет хорошо за ней ухаживать, такие зануды всегда очень бережно относятся к вещам.

Заныла нога. Боль была странной, в непривычном месте – в правой икре – как будто сейчас сведет судорогой. Вот уж когда наваливается все разом, так и наваливается, больше нет сил убеждать себя, что все будет хорошо – не будет. Ну и не надо. Все равно уже хуже некуда.

Нога болит уже четвертый день, причем чем дальше, тем сильнее.

На следующий день пришлось ехать за деньгами, полученными за машину, икру так и тянуло, словно ногу свело и не отпускает. Промоталась до вечера и когда вернулась домой, кое-как дотащилась до кровати и упала без сил, даже душ не стала принимать, потому что было больно не только ходить, но даже стоять. Ну ничего, подумала я, за ночь отдохну и утром все пройдет.

Только утром скрутило еще сильнее. Боже, какой кошмар, я почти никогда не болела, а тут такая боль! Любое перемещение по квартире, дается с таким трудом, будто я не просто несу себя, а ташу с собой стопудовый тюк. Кажется, сводит не только ногу, а все тело, на лбу от напряжения выступает испарина, каждый шаг дается с таким усилием, что приходится стискивать зубы, чтобы сдержать то ли крик, то ли ругательства. Кто бы мог подумать, что несколько шагов до туалета могут стать таким мучением! Квартира вдруг стала огромным полигоном для пыток: зазвонил телефон, захотелось попить или взять книгу со стола да просто даже повернуться на другой бок на диване – все это стало стоить огромных усилий и страха, что вот сейчас тебе придется встать и снова испытать эту жуткую боль. И снова. И снова.

Придя с дневного дежурства, тетя Лара заметила, что я хромаю, и стала допытываться, что случилось. Я рассказала, сделав вид, что не происходит ничего особенного. Было заметно, как она обеспокоилась, принесла мне какие-то крема, мази, таблетки. Как истинный медицинский работник настояла на том, чтобы я на следующий день обязательно ходила в больницу. Может, ее внимание лишь проявление профессиональной выучки? Она всю жизнь проработала медсестрой, уже, наверное, выработался определенный рефлекс на больных и требующих ухода людей.

Кремами я намазалась, а таблетки есть отказалась и в больницу решила не ходить, да и как я пойду в таком состоянии? К тому же во мне еще теплилась надежда, что на следующий день мне наконец-то станет лучше.

Однако лучше не стало, и тогда я испугалась по-настоящему. А если я вообще не поправлюсь? Или нога перестанет болеть, но я так и буду хромать всю жизнь, как Оля, с которой мы когда-то работали вместе? Она сама такая милая, симпатичная, жизнелюбивая, а как посмотришь на ее походку, так плакать хочется от жалости! Неужели и меня это ждет? Мучительно захотелось хоть какой-то определенности, и я отправилась в больницу.

Участковый врач оказался обесцвеченной в желтый цвет и покрашенной в розово-голубые тона женщиной средних лет. Она скептически и как-то не очень доверчиво на меня посмотрела и спросила, не переохлаждалась ли я где-нибудь, не испытывала ли сильного стресса, не получала ли травмы. Я неуверенно пожала плечами, и она выписала мне направление на прогревание.

Как дошла до дома, не помню. Было так больно, что в глазах плыло и темнело, хотелось лечь прямо у дороги и больше никуда не идти. Когда пришла домой, разрыдалась в голос. Больше никогда не пойду ни к каким врачам.

Сегодня ночью почти не спала: нога болела и ныла, любое движение мучительно скручивало ее на несколько бесконечных минут, я забывалась, только когда лежала на животе, положив ноги на подлокотник дивана. Какое счастье, оказывается, просто быть в состоянии ходить, мыть посуду, искать по всей квартире ножницы, которые Лара опять засунула куда-то, отнести ей телефонную трубку, когда ей кто-то звонит... Когда выздоровею – если, конечно, выздоровею – обязательно пойду работать. Хоть куда, лишь бы чувствовать эту радость быть в состоянии что-то делать. Ну и чтобы Лара не смела больше говорить мне тех ужасных слов, которые я услышала от нее в начале недели. Все будет хорошо.

Я проболела в общей сложности три недели. Хромала, не могла нормально спать по ночам и полноценно бодрствовать днем, перечитала все книги, до дыр засмотрела телевизор, но наконец-то настал момент, когда я поняла, что мне стало лучше. Чувствую себя пока не стопроцентно здоровой, нога еще дает о себе знать, когда устаю, но по крайней мере я уже хотя бы могу ходить прямо и не хромать, и это такая радость!

Что удивительно, мысли о работе не оставили меня вместе с недомоганием, чего в общем-то логично было бы ожидать, ведь мы горазды давать обещания, когда нам не здоровится, которые однако тут же хочется забыть, когда мы выздоравливаем. Хотя, думаю, никуда не девшиеся разногласия с Ларой тоже не дают мне забыть о своем намерении. До сих пор не могу с ней разговаривать.

Занятие я себе выбрала быстро. Устроила после своего вынужденного бездействия генеральную уборку и, когда вооружившись зубочисткой и тряпкой, выколупывала из стыков деталей телефонной трубки забившуюся туда грязь, поняла, что пожалуй, вот это и есть то самое дело, которое удастся мне лучше всего помимо моей основной профессии.

Дала объявление в газету: «Услуги по уборке квартир и офисов». Сначала подумала, что наверное, как-то неловко указывать мой городской номер мобильного телефона – 215-15-15 – все-таки он несколько странный для простой уборщицы, но потом решила не скромничать. Будем честны друг с другом с самого начала.

Через два дня после выхода газеты мне позвонили.

– После ремонта убираете?

Откуда же я знаю, убираю или нет?

– Убираю, – на всякий случай согласилась я.

Так я получила свой первый заказ.

Как оказалось, модный номер моего мобильного не вызвал никакого предвзятого отношения ко мне, и три недели я подметала, мыла и дышала пылью наряду со всей бригадой, нанятой хозяином для ремонта. Причем пыль была такая мелкая и ее было так много, что она проникала во все мыслимые и немыслимые места: от нее противно скрипели волосы, моментально сохла кожа, вещи можно было стирать хоть каждый день. На второй день я приехала на место работы со сменной одеждой, пластиковой шапочкой для душа и резиновыми перчатками, хотела еще взять марлевую повязку, но что-то сугубо женское решительно восстало во мне против этого. Хотя на кого уж я там собралась производить впечатление, сама не знаю.

В принципе, я даже получала что-то вроде удовлетворения от своей деятельности. Приятно было смотреть, как в результате моих стараний все вокруг преобразуется, становится чистым, опрятным, как все ненужное – куски штукатурки, осколки кафеля, обломки дверных косяков, банки из-под краски и упаковки от строительных материалов – убирается, пыль и грязь вымывается, после чего остается чистое ровное помещение, которое день от ото дня принимает все более ухоженный вид. Вот залили пол, выровняли потолки и стены, туалет и ван-

ную выложили кафелем, поменяли окна и двери, положили ламинат, наклеили обои. Просто загляденье. Я даже взяла телефон у бригадира: когда буду делать ремонт, позову этих ребят.

Когда с работой было покончено, и мне выдали мою первую зарплату, я на радостях купила торт и дома торжественно водрузила его на кухонный стол. Даже Лару позвала пить чай.

Все это время, пока я уходила из дома после обеда и возвращалась поздно вечером уставшая и слегка запыленная, она только с подозрением, не пытаясь ничего выяснить, наблюдала за мной, но видимо, сейчас, на ее взгляд, наконец настал подходящий момент для объяснений. Разрезая торт, я ей рассказала про свою новую работу.

Никогда раньше она так на меня не кричала, я даже не знала, что она способна на такое.

– Я не для того учила тебя в институте, чтобы в тридцать один год ты пошла работать уборщицей! Тебе мало моего примера перед глазами, ты тоже хочешь жить так?!

– Между прочим, мне даже интересно было попробовать... – попыталась возразить я, но Лара вспыхнула еще больше.

– Интересно?! Тебе кажется, это так романтично: все время на ногах, не разгибаясь, в пыли, в грязи?! Да ты знаешь, на кого ты будешь похожа всего через пару лет? Какие у тебя будут руки, лицо? Я что, для этого пахала по две смены, чтобы к сорока годам ты превратилась в старую убогую развалину?!

Устав кричать, она без сил откинулась на спинку стула.

– Ты можешь объяснить, что ты делаешь со своей жизнью? – спросила она. – Ушла с работы, ничем не занимаешься почти четыре месяца, продала машину...

– И несколько об этом не жалею, – перебила я ее, – с ней было столько забот.

Говоря про машину я, конечно, была неискренна – до сих пор вспоминаю ее с тоской. Зато за кредит заплатила вовремя. И еще мне очень хотелось, чтобы Лара наконец замолчала.

Она так ни в чем меня не переубедила. Я, правда, решила, что никогда больше не буду убирать после ремонтов, но Лара тут ни при чем – сама не хочу.

Спустя несколько дней мне позвонили и предложили сделать генеральную уборку в квартире. Долго и пытливо расспрашивали по телефону, почему я не работаю ни на какое агентство, какой у меня опыт работы, могу ли я предоставить рекомендации, и несмотря на то, что ни по одному из перечисленных пунктов я не могла дать удовлетворительных ответов, в конце концов меня наняли.

Зинаида Павловна, так звали мою очередную работодательницу, простояла у меня над душой все десять часов, пока я драила ее квартиру. Мне даже в туалет сходить было как-то неловко, казалось, она и туда пойдет вместе со мной. Проверяла за мной каждый уголок, каждую чашку, чуть ли не весь пол протерла за мной белоснежным платком, а ковер не разглядывала разве что с лупой.

– А здесь, Дашенька, вы разве не заметили пятно? – спрашивала она, поджав губы.

Честно говоря, нет, не заметила. Даже после того, как она указала на обеспокоившее ее место на окне. И все-таки я протерла его снова, предварительно еще раз побрызгав моющим средством – чтоб наверняка.

Для расчетов Зинаида Павловна привела меня в чистую, посвежевшую гостиную. Вообще у нее красивая квартира, большая, со вкусом отделанная, полная редких красивых безделушек, так что если бы не тотальный надзор, я бы получила большое удовольствие, наводя здесь порядок. Надо же, даже в таком деле не обошлось без назойливого начальства. Есть вообще такие места, где на тебя никто не будет давить?

Выложив кошелек на стол, Зинаида Павловна начала тщательно отсчитывать банкноты.

И вдруг поднялась со своего старинного колченого стула и вышла из комнаты, оставив меня наедине со всеми своими ценными побрякушками, резной шкатулкой на самом видном месте и кошельком на столе. Я недоуменно обернулась ей вслед. Потом оглянулась по сторо-

нам, радуясь этой неожиданной минуте свободы. Тихо горел свет. Зинаида Павловна вернулась через несколько минут и вручила мне наконец тонкую пачку купюр. Давно я ни от кого не уходила с таким облегчением.

В метро не выдержала, пересчитала деньги и чуть не расплакалась: их было так неожиданно мало, будто я не целый день провела, отмывая огромную трехкомнатную квартиру со всеми ее бесконечными мелочами, а помыла посуду после холостяцкого завтрака!

Ехала в автобусе и чувствуя, как снова ноет нога, пыталась успокоиться. Ведь с другой стороны, весь этот день я могла просидеть дома и вообще ничего не заработать. Опять же опыт. Я радость, чистая светлая, я свет, я любовь...

За окном мелькали дома и деревья, подсвеченные ночными фонарями.

...Мне тепло и спокойно, всех люблю: милую тетушку, Олю, Наташу, Светочку, Стаса, папу, Василия Николаевича, Зинаиду Павловну. Да, и ее люблю. Тепло и нежно. С благодарностью.

За две следующих недели заказ был всего один, я даже купила газету, чтобы проверить, выходит ли мое объявление. Оно исправно выходило. Подумала, может, все-таки дать рекламу с другим телефоном, с домашним, например, все равно я всегда дома. Или поискать другую работу. В итоге, не сделала ни того, ни другого, зато на исходе второй недели наконец снова позвонил заказчик.

Точнее, это была заказчица, и она смутно знакомым голосом сообщила мне, что меня ей порекомендовала ее бабушка, Зинаида Павловна, может, я помню ее, – как будто такое можно забыть! – и спросила, не хотела бы я работать у нее на постоянной основе.

– Какой объем работы и сколько вы готовы мне платить? – спросила я, памятуя о неприятном завершении сотрудничества с Зинаидой Павловной. Как будто мне было из чего выбирать.

– Я думаю, мы договоримся, – весело отозвался голос, явно принадлежавший молодой и беззаботной особе.

Когда передо мной открылась тяжелая металлическая дверь, обитая кожей, я почувствовала, как мои глаза поползли на лоб, а рот приоткрылся от удивления.

– Даша? – расплылась улыбкой стоявшая на пороге молодая женщина.

– Оля? – с таким же радостным изумлением отозвалась я.

Все так же хромяя, она постороилась и дала мне войти в квартиру, а я как всегда, глядя на нее, почувствовала легкий укол жалости и одновременно чувство вины из-за того, что жалею ее. Оля непохожа на человека, которого стоит жалеть, и все-таки неужели она не обошлась бы без той ужасной аварии, которая случилась, когда ей было всего четырнадцать и которая стала причиной ее хромоты? Выходит, нет.

– Постой, – вдруг спохватилась она, – так это тебя мне рекомендовала моя бабуля?

– Ну да, – подтвердила я, снимая куртку.

– Так ты теперь занимаешься... вот этим?

– Да. А что?

В моем ответе отчетливо прозвучал вызов, как будто я уже собралась что-то кому-то доказывать.

– Но что случилось? – спросила Оля, ведя меня в зал. – Ты же лучший юрист, какого я знаю! Не можешь найти работу?

Тут раздался звонок мобильного, который она держала в руках, и она нажала на кнопку вызова.

– Да. Да. Нет, подождите с этим, я сегодня подъеду, посмотрю сама, и там решим. В банк позвонили? Хорошо. Все, до связи. О чем это я? Ах, да! Давай я поговорю с Витей, он

наверняка подыщет тебе что-нибудь подходящее или поспрашивает у друзей. Почему, кстати, ты уволилась из ССК? Там никто не может толком сказать, почему ты ушла!

ССК – Сибирская сотовая компания, мое последнее место работы, где я проработала в общей сложности восемь лет – большую часть времени существования самой компании – три последних из них ведущим юристом. Вспомнив о ней, я сразу заметно помрачнела, как будто и не было тех четырех месяцев, в течение которых все, казалось бы, должно было забыться.

– Да так, – неохотно отозвалась я. – Ты же знаешь, какая политика у компании: не платить ни копейки по искам даже порой в ущерб собственной репутации, и я далеко не всегда была согласна с нею, а в последнее время стало и вовсе доходить до абсурда. В общем, не хочу об этом, – закончила я, почувствовав, что снова начинаю заводиться, думая об этом.

– А это никак не связано с тем шумевшим делом, о котором везде писали? Кое-кто болтал, что ты ушла, потому что побоялась, что не справишься с ним.

– А ты веришь этому?

– Конечно, нет! – воскликнула Оля. – Уверена, не было и не будет ситуации, из которой ты не нашла бы выхода! Знаешь что, пойдём-ка лучше пить чай, красавица моя. Какая же ты все-таки высокая, дай хоть обниму тебя!

Мы обнялись прямо в коридоре, на полпути от зала к кухне.

– Все-таки за одно ССК точно можно быть благодарным, – заключила Оля, – за то, что именно благодаря ее скупердяйству мы познакомились!

Сеть салонов мобильной связи, принадлежащая Оле и ее мужу, была самым крупным корпоративным клиентом ССК по Сибири. Сотрудничать с ними было легко, обязательства свои они всегда выполняли, и тем неожиданнее для них стал отказ ССК вернуть размер переплаты по завышенным в результате системного сбоя тарифам. Они подали на нас в суд, и Василий Николаевич, управляющий директор и мой непосредственный начальник, поставил передо мной задачу найти способ замять дело так, чтобы мало того, что денег им не платить, так еще чтобы они забрали заявление.

Ну что ж, и не с такими претензиями приходилось работать, в голове привычно закрутились шестеренки в поиске возможных путей решения этой проблемы. И только когда я познакомилась с Олей и Виктором, в мозгах как будто что-то застопорилось.

Субъективность – великая вещь, и порой она творит чудеса. Конечно, мне и раньше приходилось не соглашаться с порядком ведения дел в компании, но один разговор, когда истец неудовлетворенный жизнью скандалист, который только и ищет повода повывяснить с кем-нибудь отношения, и совсем другое дело, когда перед тобой приятные и во всем адекватные люди вроде Ольги и Виктора.

В общем, в результате некоторых несложных доводов, приведенных мною в разговоре с Василием Николаевичем, им вернули сумму их переплаты, пусть и не в полном размере, они отозвали иск, а мы с Олей стали хорошими приятельницами.

За те несколько лет, что я ее знаю, она нисколько не изменилась: та же короткая рыжая стрижка, лучистые карие глаза, ямочки на щеках, приятные округлости в фигуре и внутреннее ощущение силы за кажущейся беззаботностью.

– Давай я тебе помогу, – предложила я, когда мы оказались на кухне.

– Садись и расслабься, – велела мне Оля. – Я пока еще в состоянии сама приготовить чай.

– Значит, решила нанять себе помощницу... – начала я, и тут снова зазвонил телефон, на этот раз домашний. Оле пришлось сходить за трубкой в зал.

– Да, – донеслось из соседней комнаты. – Я же сказала – на эти номера никаких скидок!... А, из мэрии... А почему к нам пришли? Порекомендовали? Ну надо же! Хорошо, дай им скидку семь процентов и скажи, пусть знакомых приводят... Сказала уже? – Оля рассмеялась. – Ну хорошо, молодец! Все, пока!

Она вернулась на кухню.

– Прости, о чем ты меня спросила? – обратилась она ко мне, и не успела взяться за чайник, как снова раздался звонок.

Я сама приготовила чай. Достала из шкафа чашки из костяного фарфора, серебряные ложечки, выложила на витиеватое блюдо печенье и пряники, насыпала в вазочку конфет. Остальные пятнадцать минут, которые понадобились Оле, чтобы разделаться со всеми своими звонками, занималась тем, что почесывала спинку и ушки лениво забредшего на кухню большого рыжего кота.

– Вот так и живу, – наконец сказала она, закончив последний разговор, – вот для этого мне и нужен кто-то, кто будет мне помогать по хозяйству. Видишь, какие хоромы? Когда мы их покупали, я даже не думала, что они будут требовать столько времени и забот, а у меня же еще работа, дети. Сначала мучилась сама, потом наняла домработницу через агентство, но уж больно какая-то вялая она была. Вроде и делала все аккуратно, тихая, незаметная, но в один прекрасный момент я поняла, что не вынесу ее в доме больше ни единой минуты. После этого пыталась ужиться с другими, но все было не то. Пожаловалась бабуле, а она мне – я сама тебе найду нужного человека. Она, кстати, на честность тебя не проверяла?

– Как это? – не поняла я сначала, но тут вспомнила, как Зинаида Павловна вышла, оставив меня наедине со своим зорко оберегаемым имуществом.

– Она, наверное, еще и не отходила от тебя все то время, пока ты у нее находилась?

Мое выражение лица тут же подтвердило ее догадку, и Оля опять развеселилась.

– Ты ее прости, – сказала она примирительно, – у нее свои представления о параметрах профпригодности. Уверяю тебя, если ты будешь работать у меня, все будет совсем по-другому.

– Так ты все-таки возьмешь меня к себе?

Снова зазвонил телефон. Оля посмотрела в окошко дисплея и с раздражением сбросила звонок.

– Достали, – мрачно сказала она. – Пусть сами выкручиваются. А то чуть что, сразу ко мне, как будто своей головы нет.

И снова посмотрела на меня.

– Конечно, меня несколько смущает, что мне придется выступать в роли твоего работодателя, но с другой стороны, мы же с тобой взрослые люди, и грош нам цена, если мы не сможем договориться. Ведь так?

Вдруг в прихожей раздался шум, отчего кот, до этого спокойно сидевший у меня на коленях, опрометью сорвался с места и задрав хвост кинулся в сторону, откуда доносились звуки. В следующую секунду раздался раскатистый бас:

– Где ты, моя сладкая вишенка?... Сеня, Сеня, оставь кота в покое! Иди помой руки и переоденься, сейчас будем обедать. Олег, опять ты бросил свою сумку в проходе?

– Не сумку, а рюкзак! – ответили ему подростковым фальцетом.

– Убери сейчас же!

Бас грохотал уже где-то совсем близко, и наконец показался его владелец – муж Оли Виктор. Когда-то он был очень красивым молодым человеком, но со временем его привлекательность затерлась, как вещь, которой никогда не пользуются, и сейчас Оля казалась и моложе, и живее его, хотя на самом деле они были ровесниками.

– Привет, мой волшебный пузыречек, – пророкотал он, наклоняясь к Оле и целуя ее в лоб.

– Витя, – кинув на него быстрый взгляд, с возмущением отозвалась она, – я же просила тебя, не надевать больше эти джинсы, они же протерлись до дыр!

– Ну прости, милая, больше не буду, – отозвался он, легко проведя рукой по ее спине. Оля тут же заулыбалась.

И вот так уже пятнадцать лет. Каждый раз смотрю на них и поражаюсь, как они умудряются сохранять то, чего у некоторых не хватает и на первый год совместной жизни.

– Кого я вижу!

О, бедные мои перепонки.

– Витя, перестань кричать! Ты же дома.

Оля встала и принялась собирать к обеду. Снова зазвонил телефон, и она взяла трубку.

– Даша, дорогая, какими судьбами? – спросил Виктор. Он как будто не обратил внимания на женин оклик, но стал говорить тише. – Не видел тебя сто лет! Где ты сейчас? Чем занимаешься? Давно пора было уходить от этих...

В его кармане тоже завибрировала трубка, и ему пришлось отвлечься, чтобы ответить на вызов. Проскальзывая по гладкому ламинату, кот, ценой великого напряжения всех своих кошачьих сил избежав столкновения с дверным косяком и с трудом вписавшись в поворот, пулей пронесся по коридору и в панике шмыгнул под скамью, на которой я сидела. Следом за ним на пороге кухни показался светловолосый мальчуган лет пяти, который недолго думая, встал на коленки и тоже пополз под лавку. В какой-то из соседних комнат телевизор громко запел голосом Ляписа Трубецкого.

Уж не знаю, оттого ли, что я соскучилась сидеть дома, но мне было весело среди всей этой суматохи.

Замечательная старушка Зинаида Павловна, люблю вас безмерно и безгранично.

На следующий день я приступила к своим новым обязанностям.

У Оли хорошо работать, у нее хороший дом, она хорошо платит, и я люблю всю ее замечательную семью. Особенно, когда никого из них нет дома.

Стараюсь приходить пораньше, пока один мальчик в школе, а другой в детском саду. К счастью, я жаворонок, так что такой график меня не тяготит, да и самой Оле так удобнее.

Их кот – просто чудо. Дня не проходит, чтобы я не посидела, держа его на коленях и прислушиваясь к тому, как он мурлычет от моих поглаживаний. Думаю, ему тоже нравится проводить со мной время, потому что он тоже устал от постоянного шума и суеты вокруг.

Некоторые Олины поступки приводят меня в замешательство.

– Тебе постельное белье разложить по комплектам или наволочки с наволочками, а простыни с простынями? – спросила я ее вчера.

– Да без разницы, – отмахнулась она беззаботно.

Я разложила по видам белья, а сегодня складывала в комод полотенца и увидела, что все белье пересортировано по цветам.

В другой раз я поинтересовалась у нее, какой чай лучше заварить к обеду.

– Да все равно, – отозвалась она.

Я заварила зеленый, а потом на кухню зашел Виктор и с удивлением приподнял брови:

– А ты чего это, Олюнчик, пьешь зеленый чай? Ты же не любишь.

Кажется, Оля слегка покраснела после его замечания.

Странно все это.

Я радость, мне тепло и спокойно, всех люблю.

Все будет хорошо.

Три дня назад мне снова позвонили по моему объявлению, которое, оказывается, исправно выходило все это время, с предложением еще одной постоянной работы. Я съездила на встречу с хозяйкой. Не спала две ночи и сегодня пришла к Оле.

– Ты только не пойми меня неправильно, – сказала я, – мне все у вас нравится, но... – начала я и тут поняла, что Оля, несмотря на свой внешне обеспокоенный вид, испытывает чувство облегчения.

– Ты тоже заметила это, да? – спросила она меня.

– Кажется, да.

– Все-таки нельзя смешивать работу и дружбу, – улыбнулась она.

– Нельзя, – улыбнулась я ей в ответ.
Напоследок мы пили чай с вишневым вареньем.
Чудесные люди, чудесная жизнь. Мне тепло и спокойно.
В ту ночь я спала на редкость хорошо.

Моя новая нанимательница не просто красива – она потрясающе красива. И ее муж – условно говоря, муж, потому что они не расписаны – так же невероятно хорош. Они самая невероятная пара, какую я когда-либо видела. Их таунхаус находится в черте города и похож на игрушку – что снаружи, что внутри. Я всегда думала, что в таких домах не живут – такие дома снимают для рекламы, чтобы вы тоже захотели когда-нибудь их купить. Рядом с такой жизнью чувствуешь, насколько несовершенно твое собственное существование. С тех пор, как я работаю у них, постоянно ловлю себя на том, что пытаюсь оправдать себя, почему у меня самой нет всего этого: почему я не такая же сногшибательная, почему у меня нет такого шикарного мужчины и красивого дома, хотя бы даже собственной квартиры! Я никакая не радость, я скучная и посредственная унылость, способная только на то, чтобы безупречно вымывать грязь за другими.

Мою новую хозяйку зовут Тиша. Сначала я думала, что это производное от какого-то иностранного имени, что было бы вполне логично, учитывая, что Тиша – мулатка, но потом оказалось, что это что-то вроде прозвища, производное от ее фамилии – Тимофеева. И имя у нее вполне прозаическое – Анна. Аня Тимофеева. Но Тиша, несомненно, звучит более интригующе, так что неудивительно, что она любит называть себя именно так.

Я вообще, кажется, готова оправдать ее в чем угодно: в том, что придя поздно домой, она может не смыть на ночь косметику, что упаковками употребляет снотворное, что постоянно грубит маме и никогда не звонит ей сама, что не читает ничего, кроме глянцевого журналов, и все свое время преимущественно тратит на поддержание своей неотразимости – салоны красоты, тренажерный зал, бассейн, магазины. Но мне хочется прощать ее за все это, потому что когда я на нее смотрю – а делаю я это при каждом удобном случае, – то испытываю такое восхищение, что кажется, можно питаться от него бесконечно, никогда больше не есть, не пить и даже, наверное, со временем – если понаблюдать за ней достаточно долго – можно будет не дышать.

Она на редкость пластична, каждое ее движение это музыка, каждая черта ее лица и тела высочайшее искусство. Даже когда она выходит утром с размазавшейся вокруг глаз тушью, с всклокоченными волосами, в мятой шелковой сорочке, то и тогда она кажется мне самым совершенным существом на свете, потому что только совершенное создание может так размазаться, всклокочиться и помяться, чтобы это вызвало восторг, подобный моему.

Парень, с которым она живет, Роман, так же сказочно хорош, как она. Он любит носить рваные джинсы и демонстрировать свой торс – зрелище, надо сказать, не для слабонервных, лично я начинаю краснеть, бледнеть и забывать слова, когда он в таком виде находится где-нибудь поблизости. К счастью, это случается довольно редко, потому что его нечасто можно застать дома: он владелец ночного клуба, а, как оказалось, люди такого рода занятий работают не только ночью, но и большую часть дня. Рома тоже ничего не читает, по крайней мере я никогда не видела его с книгой в руках, а если находится дома, то или занимается в тренажерном зале, под которую отведена одна из комнат, или смотрит телевизор. С родителями не общается вообще, хотя это именно они дали ему деньги на открытие клуба. Тишу называет крошкой, хотя ее это раздражает, и каждый раз услышав это обращение она норовит запустить в него чем-нибудь потяжелее. Но кажется, ему нравится, когда она злится.

У каждого из них есть секрет, и они тщательно скрывают их друг от друга. Тиша тайком сочиняет чудесные стихи – всегда грустные, пронзительные и немного наивные – и никогда не показывает их Роману, потому что думает, что он будет над ней смеяться. А он никогда не

выбрасывает свою старую одежду – если, конечно, купленные в прошлом году и вышедшие из моды в этом сезоне вещи можно назвать старыми – и самолично отвозит ее в детский дом. Рома думает, что такая сентиментальность не пристала настоящему мужчине, и каждый раз, когда из детского дома приходит благодарность, напечатанная на специальном бланке, смущаясь, торопливо комкает ее и выбрасывает в мусор, а Тише говорит, что те снова требуют с него жертвования.

Я иногда представляю их вместе – Тишу и Рому, – как они занимаются сексом. Совершенство в квадрате, помноженное на страсть, нежность, любовь. Думаю, если бы мои хозяева знали, сколько времени я провожу, фантазируя о них, они бы давно меня уволили. Хотя, может, наоборот им было бы приятно узнать об этом – у них вообще часто все не как у людей.

Как ни странно, их дом, который произвел на меня такое впечатление, когда я увидела его впервые, не слишком мне понравился. Весь сочетание белой мебели, тусклых бирюзовых стен, прозрачного зеленоватого стекла перегородок и сверкающих хрустальных люстр, он, как и показалось на первый взгляд, был вовсе не предназначен для жизни. К счастью, жить в нем меня никто и не принуждал, но вот в том, что касается уборки, все оказалось не так благополучно: раньше я даже не предполагала, как часто люди берутся за те или иные предметы – столы, вазы, дверцы навесных шкафов, перегородки между комнатами и межкомнатные двери – зато теперь я могла точно подсчитать количество раз и интенсивность использования вещей, регулярно стирая отпечатки пальцев с их ровных стеклянных поверхностей. Была бы моя воля, всех заставила бы ходить в хлопковых перчатках, но разве этим людям есть дело до моих мучений?

Я радость, я свет, я любовь.

Я снова начала читать: художественную литературу, эзотерическую, юридическую – все подряд. Все, что было куплено уже давно, но до чего никак не доходили руки, все, что было скачано с Интернета, но на что не хватало времени – сейчас все идет в ход. Читаю везде: за завтраком, за обедом, за ужином, по дороге на работу и с работы, на остановках в ожидании транспорта, в магазинах, если случается попасть в очередь, и конечно, перед сном. Видимо, наверстываю за то время, пока сама того не замечая, находилась в добровольной изоляции от мира, захотелось наконец-то какой-то умственной и эмоциональной деятельности. Я еще не успела дочитать все, что скопилось у меня дома, но меня уже снова начали привлекать книжные киоски в метро, а на выходных думаю зайти в книжный магазин. Это такое удовольствие – снова чего-то хотеть.

Кажется, Лара привыкла к моей новой работе, но я до сих пор не могу ей простить того, что она подозревала меня в тунеядстве, и особенно тех трехста рублей, в которых она мне отказала. А если бы я вообще никогда больше не стала работать? Она бы так и не приняла бы этого, не смирилась, не одобрила? То есть пока ты делаешь то, чего от тебя ждут, ты любим и желанен, тобой гордятся, а как только отклоняешься от одобренного маршрута, так сразу становишься изгоем, не заслуживающим хорошего отношения? А как же безусловная любовь, которую подразумевают близкие родственные связи? И ведь я была уверена, что именно такое чувство связывает нас с тетей Ларисой.

– Я переживала за тебя, – сказала она мне. – Твой отец не работал пять лет, а вы с ним так похожи. Я боялась, что ты можешь повторить его опыт.

Ну зачем она вспоминает его всякий раз, когда надо объяснить какие-то черты моего характера, почему то и дело навязывает мне его судьбу? И откуда ей знать, насколько мы похожи, ведь они никогда близко не общались!

– А может, просто надо уметь прощать и принимать жизнь такой, какая она есть? – не удержалась я от упрёка.

Сегодня я собралась сделать влажную уборку в тренажерном зале, но когда зашла туда, оказалось, что там занимается Рома.

Как всегда по пояс обнаженный он сидел на лавке и качал мышцы груди, сводя и разводя в стороны тяги тренажера согнутыми в локтях руками. Мышцы торса переливались под гладкой кожей, живот, обнаженный сползшими на бедра спортивными брюками, бронзово отливал в ярком свете ламп, даже его босые ступни, расслабленно стоящие на полу, были вызывающе сексуальны.

Честно говоря, я вообще не подозревала, что Рома дома, а наткнувшись на него в такой момент и вовсе смешалась. Однако он, заметив, что я заглянула в комнату, вдруг улыбнулся и окликнул меня:

– Куда же ты? Проходи, не стесняйся!

Я зашла в комнату и, стараясь смотреть ему только в лицо, остановилась на некотором отдалении.

– Ну что ты как не своя! Подходи поближе, даже лучше присядь вот сюда. Мне тут так скучно одному, давай поговорим о чем-нибудь.

– О чем? – спросила я.

Он был так близко, безупречный до самой последней жилки, я старалась не разглядывать его, но кажется, у меня это плохо получалось.

– Нравится? – вдруг спросил он.

– Что?

– Я тебе нравлюсь? – рассмеялся он.

В голове пронеслось несколько вариантов ответа от самого нейтрального до почти заигрывающего, и каждый из них я попыталась последовательно озвучить, тут же обрывая себя на первых звуках, отчего в итоге выдала нечто совершенно невразумительное, так ничего и не сказав.

Рома снова рассмеялся, запрокинув голову.

– Да, ты права, – сказал он, – как такое может не нравиться. Хочешь потрогать?

Я непонимающе на него уставилась.

– Меня хочешь потрогать? – повторил он. – Надо же по мере возможностей делиться с ближними тем, чем тебя одарила природа, – ухмыльнулся он, сверкнув зубами.

– И часто вы так делитесь? – наконец выдавила я из себя.

– Дашенька, крошка, я тебя умоляю, зачем так официально? Я не настолько стар! Тебе сколько лет?

К счастью, в это мгновение в комнату вошла Тиша, я спешно поднялась и поторопилась выйти из комнаты, избежав тем самым необходимости отвечать на его вопрос и вообще продолжать этот разговор. Он неотразим и невыносим одновременно, и это вызывает в душе такую бурю чувств, что еще долго после столкновения с ним я не могу успокоиться. Лучше держаться от него подальше, к тому же Тиша не обрадуется, если узнает о Ромином альтруистичном желании делиться с ближними телом, на которое она наверняка претендует единолично.

В день моего рождения я зашла в зелено-стеклянный таунхаус, и волосы у меня на голове встали дыбом: все вокруг было разворочено, стулья опрокинуты, диванные подушки сброшены на пол вперемежку со смятыми журналами, одеждой, остатками какой-то еды и бутылками из-под пива, даже тяжелые столы из стекла и металла были сдвинуты со своих мест, и это вызывало во мне какое-то особенное отчаяние. Как раз сегодня я собиралась отпроситься у Тиши пораньше и устроить посиделки с подругами, уже пригласила к себе Наташу, Светочку, Олю, наварила глинтвейна, Лара, у которой сегодня выходной, обещала запечь свинину в тесте...

Я радость, и у меня все хорошо, вздохнула я смиренно.

– Так это та черная шлюха, с которой ты обжимался всю ночь?! – донесся откуда-то сверху Тишин голос, который поднимаясь к высоким тонам, становился совершенно непригодным для безболезненного восприятия.

– Да ты на себя-то посмотри, крошка, – благодушно отозвался Рома, вслед за чем раздался глухой стук, как будто упало что-то тяжелое. – Ну все, чертова истеричка, ты меня достала...

Тиша завизжала, раздался частый стук каблуков, и через пару секунд ее черная грива показалась на верхнем пролете лестницы вместе с ней самой, всклокоченной, с черными кругами под глазами, в съехавшем на одно плечо черном атласном платье. На ногах у нее были туфли на высоченных каблуках, которые не оставили ей шанса оторваться от погони кинувшегося за ней Ромы. Он выбежал следом, схватил ее сзади и снова втащил в спальню. Раздались звуки короткой, но бурной борьбы, потом прозвенели несколько пощечин, и Тиша снова выбежала на лестницу.

– Давай-давай, долбанная маньячка, катись отсюда! – крикнул Рома ей вслед, выйдя из спальни. – Только больше не возвращайся, пока не научишься прилично себя вести!

– У кого? У тебя, что ли? – обернулась Тиша. – Тоже каждый вечер клеить понравившихся мне мужиков?

– Да кто на тебя клюнет, уродина!

– Да пошел ты!...

Тиша схватила сумочку, валявшуюся у подножия лестницы, и пронесшись мимо меня и даже не взглянув в мою сторону, выбежала из дома, громко хлопнув за собой дверь.

– Чего стоим, кого ждем? – язвительно обратился ко мне Рома, наконец заметив мое присутствие.

Я очнувшись направилась было к подсобке, где висела моя сменная одежда, но он остановил меня.

– Нет-нет, дорогуша, на сегодня уборка отменяется.

– А как же все это? – я обвела глазами комнату.

– Ничего не надо, – зло повторил он, – иди отсюда.

Черт бы его побрал, на мне и так уже довольно вымещали свое раздражение, чтобы я еще терпела выходки этого недоразвитого мецената.

Черт.

Только ведь у меня сегодня день рождения, и я сама хотела уйти пораньше. Неужели я теперь буду злиться из-за того, что мое желание сбылось?

Я радость, чистая, светлая, и жизнь любит меня. Спасибо ей за подарок.

На следующий день после своего дня рождения я наводила порядок после устроенного Тишей погрома. Постепенно дойдя до спальни, я уже собиралась убрать в ящик все вещи с прикроватной тумбочки, как вдруг заметила среди прочих мелочей маленький пластиковый пакет с замком, наполненный белым порошком.

Неужели это то самое? Наркотики? Кокаин, кажется? Или героин? Шут их разберешь.

Ни разу в своей жизни я не видела ничего подобного, разве что в кино, и потому даже не представляла, как можно было бы проверить свою догадку. Зачем мне вообще это понадобилось? Не знаю, наверное, это оттуда же, откуда чтение книг – после долгой спячки проснулось природное любопытство.

Я повертела пакетик так и сяк, посмотрела его на свет, зачем-то понюхала.

Дома никого не было, поэтому я могла не бояться, что меня кто-нибудь застанет за моими исследованиями, и все-таки надежно привитая мне Ларой установка держаться от наркотиков подальше сработала и на этот раз, и я убрала пакетик в ящик тумбочки.

Но даже лежа в тумбочке, он не давал мне покоя.

Наконец, с пылью в спальне было покончено, и я уже собиралась выйти из комнаты, когда вдруг вспомнила, что порошок, который нюхают, вызывает онемение, когда его втирают в десны. И вместо того, чтобы направиться к выходу, снова подошла к тумбочке и достала пакетик.

Только я собралась открыть его, как вдруг над моим ухом раздался Ромин голос:

– Хочешь? – спросил он, улыбаясь и на ходу снимая с себя кепку, часы и рубашку. – Угощайся!

Я вздрогнула при его появлении и чуть не выронила пакетик. И как только он так бесшумно прошел по всему дому? Или это я настолько была поглощена своим экспериментом, что даже не обратила внимание на его появление?

– Нет, спасибо, – смешалась я и, кинув свою находку обратно в ящик, быстро направилась к выходу из спальни.

Но Рома, уже снова по пояс голый, опередил меня и перегородил выход из комнаты, рукой опершись о дверной косяк.

– А меня хочешь?

Он улыбался.

У него такие красивые губы и брови, кажется даже странным, что этого всего можно еще и касаться.

Внизу хлопнула входная дверь и раздался голос Тиши:

– Ир, я не смогу сегодня, я такая разбитая после всего, мы только что приехали... Давай завтра встретимся, что ли... Да ты что? Ну ладно, созвонимся, в общем, пока-пока!

Судя по голосу, она приближалась к лестнице, и я, пытаясь прорваться через заслон, взялась за руку Ромы, чтобы отвести ее. Странно, что я не превратилась после этого в соляной столб, потому что держаться за нее можно было бы бесконечно. Просто стоять и держаться.

Окончательно растерявшись, я быстро отдернула свою руку и посмотрела на Рому. Его глаза смеялись. Тиша уже поднималась по лестнице и вот-вот должна была увидеть нас – второй раз подряд она застала бы меня за разговорами с Ромой. Для ревливой Тиши это было бы отличным поводом устроить еще один скандал и конце концов уволить меня, однако терять работу в мои планы пока не входило.

Из последних сил я призвала на помощь все свои ресурсы и вдруг вспомнила, как это бывало, когда сидишь напротив разъяренного клиента и шансов закончить переговоры в свою пользу всего один, да и тот такой зыбкий, что от осознания его ненадежности хочется обкусывать ногти и барабанить пальцами по столу. Но ты понимаешь, что обнаружить перед клиентом свою неуверенность нельзя ни в коем случае, иначе он точно поймет, что ты блефуешь и тогда даже эта мизерная вероятность успеха сведется к нулю. И поэтому, так как нет другого выбора убедить клиента в своей силе, кроме как самой верить в нее, ты сидишь там, перед разъяренным клиентом, и веришь. Не просишь, не уговариваешь, не угрожаешь. В конце концов он сам к имеющейся в твоём распоряжении единице пририсовывает два нуля и не до, а после нее.

Почувствовав, как вдруг успокоилось все внутри, я снова посмотрела на Рому.

Встретив мой взгляд, он перестал улыбаться, убрал руку и освободил проход. Когда Тиша поднялась наверх, я была в ванной и мыла тряпку, которой протирала пыль, а Рома искал в шкафу свежую футболку, которая подошла бы к его новым спортивным туфлям.

Этим же вечером, когда я уже переделалась и собиралась уходить, Тиша вдруг остановила меня. Рома к тому времени уже уехал в клуб, а она сидела на кухне и пила кофе. Рядом с чашкой стояла бутылка коньяка и, видимо, его она пила тоже.

– Скажи мне, я правда такая страшная? – спросила она меня.

Я уставилась на нее в полном недоумении, даже до конца не веря, что она может всерьез задавать такой вопрос.

– Нет, ну скажи мне, я в самом деле никому не могу нравиться? – допытывалась она.

Тиша подняла свою руку и посмотрела на нее. Рука была тонкая, загорелая, с длинными пальцами и красивой формы удлинёнными ногтями, покрытыми бесцветным лаком. Поразглядывая ее несколько секунд, Тиша, видимо, отчаявшись найти в ней что-нибудь утешительное, бессильно уронила ее на стол. Кажется, она все-таки была не совсем трезва.

– Тиша, вы самая красивая женщина из всех, кого я видела, – честно сказала я.

– Да ты садись, – кивнула она на стул. – Все мне так говорят. Мужчины помогают меня. Женщины завидуют. А Рома...

Ее голос дрогнул и она, неопределенно махнув рукой, отвернулась к окну, подозрительно блеснув глазами.

– Мне кажется, он не ценит тебя, как ты того стоишь, – сказала я, неожиданно для самой себя перейдя на «ты». Сложно разговаривать на подобные темы с человеком, который младше тебя на половину сознательной жизни, и обращаться к нему при этом на «вы».

– Да, наверное, ты права, – согласилась Тиша. – Я даже знаю, когда это началось – после аварии.

Она отпила из чашки, и я поняла, что кофе в ней давно уже кончился, и его место занял почти чистый коньяк.

– Мы оба были пьяные и обкурившиеся, я вела машину... Было скользко, нас обоих вышвырнуло из салона, и мне ничего не было, ни одной царапины, а вот Рома сломал позвоночник. Два месяца в больнице, потом еще дома, боже, какой это был кошмар... Он всем сказал, что это он был за рулем.

Тиша схватилась руками за голову.

– Мы к тому времени год были вместе, с ума сходили друг по другу, мне казалось, что вот оно, наконец-то. Он собирался познакомить меня со своими родителями... – она усмехнулась, – вот и познакомились. У больничной койки. – Он ведь уже приставал к тебе? – подняла она на меня глаза.

– Да ну что ты... – начала я, но она не стала меня слушать.

– Знаю, что приставал. Он ко всем пристаёт. Как начал поправляться, так ни одной юбки не пропускает, клеит даже самых убогих...

Ну спасибо.

– Да я не про тебя, – криво улыбнулась она, – ты... ничего так даже. И добрая к тому же. У нас ведь домработницы не задерживаются. Перед Ромой устоять невозможно, и как только они начинают строить ему глазки, их приходится увольнять. А тебе я почему-то доверяю...

– Почему ты не уйдешь от него?

– Я никогда не смогу его оставить, – мрачно отозвалась Тиша.

– Почему?

– Это ведь из-за меня он такой стал. Он ведь только делает вид, что такой сексигант, а на самом деле, у него теперь чаще не стоит, чем стоит – последствия травмы... Ему даже иногда приходится использовать такую штуку... ну, типа пластиковой трубочки: суешь туда член, и там что-то с давлением происходит, отчего тот встает. Каждый раз, когда он это делает, у меня слезы на глаза наворачиваются – мальчик, бедный мой мальчик...

Рот у Тиши искривился, когда она говорила это, и несмотря на тяжесть момента, я первый раз убедилась, что и она может быть не очень красивой.

– К тому же Рома говорит, – продолжила Тиша, справившись с эмоциями, – что если я уйду от него, то он скажет отцу, что это я была за рулем. Ублюдок...

– И что тебе сможет сделать его отец? Столько времени прошло, теперь уже ничего не докажешь.

– Шутишь? – усмехнулась она. – Уж его-то папаша точно найдет, что со мной сделать. Именно поэтому Рома и не сказал ему сразу – боялся за меня.

Она помолчала.

– Раньше боялся, а теперь ноги об меня вытирает. Сейчас наверняка опять в клубе клеит каких-нибудь девиц... Мне надо туда.

Она порывисто поднялась со стула, собираясь направиться к выходу из кухни, но не рассчитав своих возможностей и чуть не упала – я успела подхватить ее в последний момент.

– Пойдем, – сказала я, тоже вставая и все еще поддерживая ее. – Я помогу тебе подняться в спальню.

– Нет, – пьяно возразила она, – я только возьму сумку и поеду в клуб... Вызовешь мне такси?

– Обязательно вызову, – пообещала я, – но только завтра. А сейчас тебе надо просто поспать. Ты устала, у тебя был долгий день и ночь.

– Да, я устала...

– Вот и пойдем.

Мы поднялись на второй этаж, я уложила ее на кровать, стянула с нее туфли, в которых она ходила даже дома, накрыла одеялом.

– Все, спи. Спокойной ночи. Завтра уже будет лучше.

– Даш, – окликнула она меня уже у двери.

– Да?

– А я правда красивая?

– Конечно, Анюта, ты очень красивая.

– Анюта... Рома раньше называл меня так. Ты хорошая, Даша...

Когда я выходила от них, было уже почти девять.

Что-то меня начинает напрягать эта семейка.

Тетя Лариса вышла пить со мной чай, когда я вернулась домой.

– Видела сегодня твоего отца, – сказала она, когда я села ужинать.

– И как он?

– Выглядит вроде нормально. Ты не надумала с ним встретиться?

– А зачем мне это?

Я осталась без матери, когда мне было четыре года, и сразу после этого тетя Лара забрала меня к себе.

С отцом мы встречались по выходным. Он исправно забирал меня в воскресенье, мы ходили в парк или в кино, он покупал мне мороженое, но я всегда чувствовала неловкость и скованность, находясь рядом с ним. Сейчас я бы сказала, что мне казалось, словно я была ему в тягость, словно он встречался со мной не потому, что действительно хотел меня видеть, а потому что так надо. Я много раз просила тетю Лару пойти со мной, но она всегда отказывалась.

Потом у отца появилась женщина, и наши встречи стали случаться все реже и реже, пока не прекратились совсем. Он по-прежнему перечислял Ларе деньги на мое содержание, но за все это время ни разу не позвонил, разве что присылал открытки ко дню рождения, в которых год за годом желал мне успехов в учебе. Потом у него родился сын, и он переехал на другой конец города.

В год, когда я закончила институт, он вдруг снова объявился: позвонил мне и предложил встретиться.

Честно говоря, я не испытывала никакого желания видеть этого совершенно чужого мне человека, но Лара настояла на том, чтобы я приняла его приглашение.

– Он твой отец, – говорила она, – самый близкий тебе человек, роднее его у тебя никого нет.

– Мой самый близкий человек – это ты! – возражала я. – Ты меня растила, тратила на меня силы, время, а что сделал он?

– Ты несправедлива к нему. Он помнил о тебе все эти годы, что делать, если он не из тех людей, кто умеет показать свои чувства – это никогда не было ему свойственно.

– Как же, помнил, – кривилась я, – платил деньги. Откупался.

– Но другие не делают даже этого! К тому же он все-таки позвонил тебе, причем тоже исключительно по собственной инициативе.

Он позвонил, потому что снова остался один: вторая жена от него ушла и переехала за границу, забрав с собой ребенка, работу он потерял, и не осталось никого, кто нуждался бы в нем. Однако все это я поняла позже, когда узнала его получше и послушала его рассказы, а в ту первую встречу я просто увидела унылого, недовольного жизнью мужчину, который не вызвал во мне ничего, кроме щемящего чувства жалости, какое вызывают худые, испуганно вздрагивающие от любого звука бездомные псы.

– Он не всегда был таким, – сказала тетя Лариса.

– И почему только ты его всегда защищаешь?

– Потому что он твой отец.

Я не видела в ее объяснениях никакой логики, и все-таки когда она стала настаивать на том, чтобы я виделась с ним регулярно, через какое-то время уступила. В принципе, это было не так сложно: он снова переехал в наш район, и жил теперь совсем недалеко, так что мне было нетрудно сходить к нему раз в месяц и послушать его в течение часа или двух.

Рассказывал он, в основном, о молодости, о том, как с друзьями ходил на рыбалку, ночевал у костра, как бабушка гоняла его за непослушание, вспоминал, как служил в армии, о своей первой любви, случившейся, когда ему было восемнадцать, – еще до мамы. По всему было видно, что настоящее занимает его мало, да и неудивительно: некогда довольно приличная должность на стройке и соответствующие ей привилегии сменила работа сторожем в детском саду, жена бросила, увезла с собой единственного сына, осталась только я – слабое напоминание о том, что и он все-таки создал что-то за свою жизнь. И слабое утешение.

И все-таки когда моя карьера пошла в гору, а я сама из серенькой невзрачной студентки превратилась во вполне привлекательную девушку, стало заметно, как он гордится мной. Как он рад меня видеть, когда я прихожу. Как готовится к нашим встречам – покупает торт или запекает в духовке картофель под майонезом. И тогда впервые за время нашего общения я стала чувствовать его присутствие в моей жизни, появилось ощущение, что у меня действительно есть отец.

Так продолжалось, пока не появился Костя – один из тех немногих молодых людей, которым посчастливилось отвлечь меня на какое-то время от работы. Я сама не заметила, как все больше и больше времени стала проводить с ним: сначала каждые выходные, потом чуть ли не каждый вечер. Мы с ним встречались, созванивались, переписывались, а все остальное время я не переставая думала о нем.

За несколько месяцев, в течение которых развивался наш бурный роман, я ни разу не была у отца. Звонила ему всего пару раз, извинялась, обещала, что скоро обязательно зайду, но закончилась весна, началось лето, и среди всех невозможно важных дел, связанных с Костей, я так и не нашла ни минутки, чтобы забежать к папе.

А потом Костя предложил мне переехать к нему, и я испугалась. Перестала отвечать на его звонки. Снова захотелось с головой погрузиться в работу, вернуться к недочитанным книгам, увидеться наконец с отцом.

Представляя, как он обрадуется, я позвонила ему, чтобы сообщить, что приду к нему в субботу, однако он отнесся к этой новости неожиданно прохладно. Сказал, что на выходных не сможет и поспешил закончить разговор, ссылаясь на то, что занят. От разговора остался неприятный осадок, но ничего страшного, подумала я, всякое бывает.

Встретились мы случайно – на выходе из магазина – уже в начале сентября. Он хорошо выглядел, сказал, что устроился прорабом на стройку – конечно, не то, о чем мечталось, но все

же поближе к любимому делу. С ним была женщина. Довольно милая, примерно одного с ним возраста. Мы поговорили совсем недолго и разошли в разные стороны.

С тех пор мы больше не встречались, только перезванивались изредка, да и то звонила в основном я, а он сам объявлялся только по дням рождения да на Восьмое марта. У меня снова появилось чувство, что я ему не нужна, но помня о том, что говорила тетя Лариса, какое-то время я еще пыталась сохранить наши с ним отношения. А потом он не поздравил меня с моим тридцатилетием. Не позвонил мне ни в день моего рождения, ни через день, ни через два – по-моему, он просто забыл о нем.

Так что теперь как тетя Лариса ни настаивает на том, что он мой отец, что роднее у меня никого нет, что он любит меня даже несмотря на то, что так себя ведет, слышать ничего об этом не хочу. Да, он такой, не умеющий беречь то, что у него есть, его не хватает на любовь сразу к нескольким людям, но разве это мои проблемы?

– Но ведь ты такая же как он, – говорит мне Лара. – Ты вспомни, когда у тебя появился Костя, ты тоже забросила всех и сконцентрировалась на ваших с ним отношениях! И это ладно, что вы довольно быстро разошлись, а если бы нет? Возможно, ты так и была бы поглощена им до сих пор.

– Да, но я звонила ему и уж точно никогда бы не забыла про его день рождения! Так что не надо меня опять с ним сравнивать. У него снова есть его любимая работа, новая женщина – вот и пусть наслаждается, я очень за него рада. Но сама я больше ничего не хочу о нем знать.

Я знаю, что Лара все равно со мной не согласна, но думаю, она просто не была на моем месте.

Я радость, тихая, светлая, я свет, я любовь. Я люблю своего отца, он идеальный объект для любви и для того, чтобы тренироваться в умении прощать. Так что, конечно, я его люблю, пусть у него все будет хорошо.

За несколько дней до Нового года я пришла в Ромин таунхаус и обнаружила тот же кавардак, что был в день моего рождения, только ко всем перевернутым и перемешанным между собой вещам добавилась еще одна нагоняющая тоску деталь: было разбито все, что могло быть разбито. Слава богу, хотя бы двери и журнальные столики оказались достаточно прочными, чтобы не сиять сейчас под светом люстр праздничной кучей блесков.

Пока я горестно оглядывалась вокруг и прикидывала, сколько уйдет времени на уборку этого бедлама, из спальни вышел Рома и стал быстро спускаться по лестнице. Против обыкновения на нем в этот день были надеты костюм и белая рубашка, расстегнутая у ворота, которые однако шли ему не меньше, чем рваные джинсы.

– Ты здесь больше не работаешь, – сказал он, увидев меня. – Сколько я тебе должен?

Я сказала.

Достав из внутреннего кармана бумажник, он отсчитал нужную сумму и передал мне.

– И еще столько же в качестве компенсации за срочность увольнения, – добавила я вдруг.

Он смерил меня взглядом, потом снова полез за деньгами и выдал мне половину того, что я запросила.

Что ж, и на этом спасибо.

– А как же Тиша? – спросила я.

– Эта сука здесь больше не живет.

По дороге домой я снова почувствовала, как заныла нога.

Только этого и не хватало, безнадежно подумала я.

Снова крема, мази, витамины, частые пробуждения ночью, вынужденное безделье днем. Радует только то, что на этот раз нога болит не так сильно, но я все равно заметно хромаю и не решаюсь выходить на улицу. Хорошо, что работы нет, и я могу позволить себе оставаться дома.

Хотя это как посмотреть, хорошо это или не очень.

Когда денежные запасы не пополняются, кажется, что они начинают убывать даже быстрее, чем ты их тратишь. Опять настала пора платить взносы по кредиту, и я в который раз подумала, что или надо срочно искать новую работу или, пока у меня не отобрали мое имущество за неуплату, завязывать со всем этим. Продать эти несчастные квадратные метры и больше не греть ими голову – зачем они вообще мне нужны? Это раньше я была успешным юристом, могла позволить себе вкладывать деньги в недвижимость, но сейчас, когда я не пойми кто с весьма туманной перспективой, странно заниматься подобными вещами. А деньги, вырученные от продажи машины, не бесконечны.

Подумав обо всем этом, я вернулась к Гражданскому кодексу. На днях он случайно попался мне на глаза и, полистав его, я поняла, что подзабыла некоторые вещи. Надо освежить их в памяти, пока есть время.

В день, когда я в первый раз после своей болезни вышла на улицу, мне позвонила Тиша. Как раз немного потеплело после новогодних праздников, слегка пригревало солнце, начавшее клониться к весне, я уже почти не хромала и настроение у меня по этому поводу было довольно приподнятое.

– Даша, привет! – выпалила она в трубку. – Хочешь снова работать у меня?

– Конечно, – сказала я, – разумеется, хочу. Когда надо будет приступить?

– Сможешь завтра? Тут такой бардак...

Я вспомнила, в каком состоянии оставалась квартира, когда я уходила, и смиренно вздохнула.

– Конечно, – снова отозвалась я. – Значит, завтра.

– Ну все, тогда я тебя жду! Пока-по... Ой, подожди, ты же не записала адрес! У тебя есть ручка и листок под рукой?

– Да я вроде не забыла еще, – улыбнулась я.

– Да нет, ты не поняла, я же не живу больше с Ромой, я ушла от него.

– Но ты же говорила, что никогда его не оставишь!

– Мало ли, что я говорила, – фыркнула Тиша. – Этот импотент тоже говорил, что никому не позволит меня обижать, а сам только тем и занимался в последнее время, что норовил сделать мне побольнее.

– Так ты теперь живешь одна?

– Что ты, я встретила такого парня! – воскликнула она. – Не чета этому придурку Роме. Конечно, не такой красивый, но для мужчины это и не главное. Никаких девиц, наркотиков, ночной работы, ты не поверишь, это такой кайф – просто посидеть вечером дома, выпить бокал красного вина, посмотреть вместе фильм, а потом всю ночь неторопливо заниматься сексом... Правда, на самом деле всю ночь еще ни разу не получалось, потому что утром ему рано вставать, но так даже лучше. Когда он возвращается с работы, то каждый раз спрашивает, как у меня прошел день, чем я занималась, о чем думала, и это так... волнующе. Я прямо чувствую, насколько небезразлична ему! Кайф. Но вот его квартира – это такое убожество, сама завтра увидишь, столько надо будет переделать, просто руки опускаются! Нашла, чем писать?

Она продиктовала мне адрес, и мы попрощались.

Все хорошо, все просто замечательно.

Не понимаю, как у Тиши повернулся язык назвать эту квартиру убогой, когда-нибудь у меня будет такая же.

Жилье нового Тишиного поклонника находится на верхнем этаже шестнадцатиэтажного дома, его огромные, почти во всю стену окна выходят на реку, и глядя в них ты оказываешься прямо напротив подвешенного среди неба солнца. Очень светлые теплые цвета, светло-корич-

невое дерево, светлая мебель, плетеные циновки, жалюзи из натуральной соломки и никакого стекла – глаз просто отдыхает после ледяного Роминого таунхауса. Слегка грязновато, правда, хотя даже не так: немного не убрано. Пыль на полках и в углах, мебель стоит немного неровно, на чашках коричневый налет от чая и заляпанная какими-то пятнами ванная комната – сразу видно, что квартира принадлежит мужчине. Но все это было бы несложно исправить.

Однако Тиша явно не намерена ограничиться простой уборкой.

– Спальню я думаю отделать в красных тонах, – посвящала она меня в свои планы, водя по квартире – и когда только мы успели стать такими подружками? – Две противоположные стены в гостиной сделаю зеркальными, кухня тоже должна быть красной: представляешь, красные глянцевые панели в сочетании с металлическими поверхностями бытовой техники? Отпад! Давно о таком мечтала.

Красная спальня???...

– А хозяин не будет возражать? – недоверчиво поинтересовалась я: было сложно представить, что человек, живущий в этой квартире, согласится на красную спальню и зеркала в гостиной.

– Да ну что ты! Он такой милый и все мне разрешает. У него, конечно, не так много денег, как у Ромы и у его отца, так что, возможно, ремонт придется делать поэтапно, но это даже здорово – растяну удовольствие.

– А почему ты все свои идеи не воплотила в Роминоме доме?

– Ты что, забыла, какой он? – спросила Тиша. – Он же всегда лучше всех знает, как правильно. Мне даже посуду нельзя было поменять без его ведома!

Наверное, никогда бы не смогла бы быть с мужчиной, который указывал бы мне, какую надо покупать кухонную утварь.

– Что ж, – отвлеклась она от воспоминаний о Роме, – пора приниматься за дело!

Мы с ней выбросили все старые журналы, скопившиеся в доме – «Forbes», «РБК», «Legal Business», «Эксперт», «Деньги», «Юрист», «GQ» и еще массу каких-то других – газеты, прочитанные художественные книги. Правда, я так и не поняла, как Тиша определяла, читал их хозяин квартиры или нет, подозреваю, она просто оставляла те, обложки которых ей приглянулись. Была наведена тотальная ревизия вещей и отправлены на помойку те, которые не соответствовали требованиям качества, престижа и новизны, выброшены тарелки со сколами, чайные чашки с отбитыми ручками, одна безнадежно сгоревшая кастрюля, скатавшийся плед, сломанная напольная лампа и куча пластиковых бутылок из-под воды. Имеющийся в доме мусоропровод оказался не в состоянии принять столько мусора, поэтому пришлось выносить все на улицу.

– Надо избавляться от старых вещей, чтобы освободить место для новых, – изрекла Тиша, сбросив в мусорные баки последнюю порцию хлама.

Когда мы вернулись в квартиру, она вдруг заметила тонкую стопку журналов у двери.

– Черт, забыли взять их с собой! – воскликнула она. – Ну ничего, к счастью, это можно выбросить в мусоропровод, – и уже сделала движение, чтобы схватить журналы, но я ее остановила:

– Подожди!

– Что?

– Ты не будешь возражать, если я заберу их домой?

– Зачем? – искренне удивилась она. – Что-то интересное?

Она нагнулась, чтобы поднять один из журналов.

– «Legal Business». Ты это читаешь?

– Это английское юридическое издание, я много о нем слышала, но в руки он мне попадался всего несколько раз. Так что я бы взяла их себе, если ты не против.

– Но он же на английском.

– Ну и что?

Тиша посмотрела на меня.

– Странная ты какая-то, все-таки не похожа ты на обычную домработницу, а?

Я уже начала соображать, как бы ей объяснить свои неожиданные интересы, не слишком сочетавшиеся с моей текущей профессией, но в следующую секунду она уже тряхнула головой.

– А, все сходят с ума по-своему, верно? Пойдем перекусим, а после этого продолжим.

После обеда, если этим словом можно назвать салат из листьев капусты и обезжиренный йогурт, которыми преимущественно питалась Тиша, я занялась уборкой, а она сама села за телефон, чтобы найти бригаду рабочих, которые воплотили бы ее мечту о красной спальне. Судя по ее раздраженному голосу, у нее это не очень хорошо получалось.

– Все словно сговорились! – воскликнула она, закончив обзвон, и этим подтвердила мою догадку. – Одни освободятся для новых заказов только через две недели, другие – через месяц, третьи ни слова не понимают по-русски, а четвертые уже сейчас норовят отделаться от ответственности за проделанную работу! Что мне делать?

– Может, подождать? – спросила я, продолжая протирать большое зеркало в ванной. Ванная в новой Тишиной квартире большая, светло-золотистая, и тоже очень мне нравится.

– Но у меня совсем нет времени ждать!

Мне сложно понять, куда она так спешит, но спорить я не стала.

– Тогда сделай сама, – предложила я другой вариант, у которого, на мой взгляд, было столь же мало шансов прийтись Тише по душе, как и предложение отложить ремонт.

Тем не менее она вдруг задумалась.

– А это мысль. Как ты думаешь, это сложно?

– Если ты о том, чтобы переклеить обои, то думаю, все просто. Могу помочь, если это потребуется.

– Нет! – судя по тому, как заблестели у Тиши глаза, ее уже захватила новая идея. – Я сделаю это сама, собственными руками – hand made! Кто еще сможет похвастаться таким дизайном?

Какая же она все-таки красивая.

Тиша изменилась с тех пор, как ушла от Ромы: забросила свои салоны красоты, солярий, своих старых подруг, давно не покупала себе новой одежды, ходит в обычных джинсах, волосы собирает в хвост, но при этом она не потеряла ни капли своей привлекательности, только, кажется, еще больше похорошела. Она почти не пьет теперь, спит по ночам, пусть скудно, но хотя бы регулярно питается – вот что значит, когда находишь нужного человека, даже Рома и его отец, несмотря на все ее опасения, совсем ее не донимают.

– Я ведь показала Лёне свои стихи, – поделилась она со мной за обедом. Лёня – это ее новый друг.

– Правда? И как он к ним отнесся?

– Ему очень понравились, – сказала она, расплывшись улыбкой.

– Ну вот видишь! – воскликнула я.

Приятно видеть ее такой счастливой. Я по-прежнему против красного цвета в спальне, но готова простить ей даже это, если это поможет ей оставаться в теперешнем настроении.

Две недели ушли у Тиши на то, чтобы переклеить две стены в спальне.

Для начала она накупила кучу очень нужных вещей: кисточки, три разных вида обойного клея, стремянку, шпатель, по несколько пар перчаток резиновых и хлопчатобумажных, пластиковое десятилитровое ведро, рулетку, две линейки – тридцать и пятьдесят сантиметров, набор простых карандашей и два цветных маркера. Потом долго и придирчиво выбирала сами обои: одни не подходили по оттенку, другие по фактуре, третьи были с рисунком, а четвертые

подозрительно дешевые. Наконец, в невероятных муках выбор был остановлен на итальянских обоях не просто красного, а пурпурного цвета, и купленные рулоны оказались дома.

К счастью, стены в спальне ниже, чем в гостиной с огромными окнами, но даже их высоты хватило Тише, чтобы в процессе работы выругаться не один десяток раз. И все-таки несмотря на чертыханья, она за все это время ни разу не позволила мне ей помочь, настаивая на том, что она все должна сделать сама. Дело продвигается медленно, местами кривовато, но Тиша все равно очень довольна собой.

В один из вечеров перед моим уходом она вдруг спросила у меня, что бы я ей посоветовала почитать.

– А что тебе интересно? – спросила я в ответ.

Она неопределенно пожала плечами.

– Ты вообще хоть что-нибудь читала? – пыталась понять я.

– Конечно, читала. Детективы, романы, «Войну и мир», например.

– Все четыре тома? – изумилась я.

– А что такого? Да, все четыре тома. По-моему, его все читали, разве нет?

– Я не читала, – призналась я.

– Ты шутишь, – Тиша посмотрела на меня с недоверием.

– Вовсе нет. Так, может, тогда тебе почитать классику?

– Что-то я не заметила у Лёни никакой классики.

– Я могу тебе принести, кажется, у Лары было что-то.

– Кто это?

Странно, мы с ней уже столько общаемся, и я еще ни разу не говорила с ней о тете.

– Моя тетя, она меня вырастила.

– А, понятно... Посмотри, пожалуйста.

– Посмотрю, – улыбнулась я. – Хорошего тебе вечера.

Но Тиша уже снова взялась за пилочку для ногтей и ничего мне не ответила.

– Как? – услышала я за стеной расстроенный голос Тиши. – Значит, мы и сегодня никуда не пойдем?

Два дня назад она приостановила ремонт, сказав, что ей нужно немного отдохнуть. Я принесла для нее «Гранатовый браслет» Куприна и «Отцов и детей» Тургенева, которые нашла в тетиной библиотеке, и все это время она провела за чтением, почти закончив обе к сегодняшнему утру.

– В ресторан поужинать? Нет, мы, конечно, можем и поужинать, – неуверенно протянула Тиша, – а потом в клуб, давай?... Ты такой классный! – взвизгнула она и судя по звуку соскочила с кресла, на котором сидела. – Тогда встречаемся в девять. Обожаю тебя, пусик!... Хорошо-хорошо, не буду тебя так называть, прости. До встречи, любимый! – пропела она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.